

Историческая преемственность в сохранении культурного наследия Монголии

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 07.09.2023, принята 19.09.2023

В статье рассмотрена актуальная тема – роль и специфика исторической преемственности, обеспечивающей успешную межпоколенную передачу и усвоение культурных ценностей кочевников Внутренней Азии, наиболее сохранившихся в Монголии. Проведен небольшой историографический обзор работ по теме, дается характеристика основных признаков кочевничества и главных объектов культурного наследия страны. Выявлено, что специфика заключается в традиционализме и межпоколенной трансляции, гарантирующей сохранение средневекового наследия, наследия Монгольской империи. Создается специфическая система защитных механизмов от интенсивного инокультурного влияния в глобальном мире. Показано положительное влияние информационно-культурного пространства на формирование ценностей кочевников Внутренней Азии. Здесь сложилась мировая практика сохранения культурного наследия: научное изучение объектов культуры, музеефикация и каталогизация предметов музейного значения, историческая научная и популярная реконструкции, создание музеев «живой истории», введение культурных объектов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Все эти механизмы обеспечения исторической преемственности в сохранении культурного наследия приводят к активизации, углублению и восстановлению коллективной исторической и культурной памяти, которая формирует коллективную и национальную идентичность монголов.

Ключевые слова: Монголия; историческая преемственность; культурное наследие; специфика; кочевничество; традиционализм.

Historical continuity in preserving Mongolia's cultural heritage

S.G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Republic of Buryatia
zhambalovas@yandex.ru

Received 07.09.2023, accepted 19.09.2023

This article explores the role and specificity of historical continuity in ensuring the successful intergenerational transmission and assimilation of cultural values of the nomads of Inner Asia, which have been most preserved in Mongolia. A brief historiographical overview of works on the topic is provided, along with a characterization of the key features of nomadism and the main objects of the country's cultural heritage. It is revealed that the specificity lies in traditionality and intergenerational transmission, guaranteeing the preservation of the medieval heritage, the legacy of the Mongol Empire. The positive impact of the information-cultural space on the formation of values among Inner Asian nomads is demonstrated. A global practice of cultural heritage preservation has emerged here: scientific study of cultural objects, museification, and cataloging of museum artifacts, historical scientific and popular reconstructions, the creation of "living history" museums, and the inclusion of cultural objects in the UNESCO World Heritage list. All of these mechanisms for ensuring historical continuity in preserving cultural heritage lead to the activation, deepening, and restoration of collective historical and cultural memory. Historical and cultural memory shapes the collective and national identity of the Mongols.

Key words: Mongolia; historical continuity; cultural heritage; specificity; nomadism; traditionality.

Введение. Комплексное исследование сохранения культурного наследия народов мира является одной из актуальных научных проблем. В современном обществе значительно возрастает интерес к ценностям исторического и этнокультурного наследия народов кочевнического мира Внутренней Азии, в том числе Монголии. Особую значимость при изучении проблемы имеет этнокультурный аспект темы, что обусловлено глобальным социокультурным кризисом, радикальной переоценкой ценностей, универсализацией культуры [1, с. 3].

Цель статьи — исследование роли и специфики исторической преемственности в сохранении культурного наследия Монголии.

Тема исследования находит отражение в научной литературе. Непосредственное отношение к теме имеют две работы. Э. Данзангийн в специальной статье обращает внимание на актуальность исследования исторической преемственности и акцентирует внимание на повышении роли культуры и культурного наследия Монгольской империи в жизнедеятельности Монгольского государства (далее Монголия) и демонстрирует потенциальные возможности получения важных научных результатов [2]. С.Г. Жамбалова посвятила культурному наследию Монголии монографию [3]. Однако тема, безусловно, продолжает оставаться актуальной, так как имеет большие перспективы для дальнейшего изучения.

Проблему исторической преемственности рассматривают специалисты разных профилей, включая историков, философов, культурологов. М.Х. Герандоков и Р.М. Герандоков связывают преемственность и культурное наследие национальных регионов России с понятием «традиция» и считают их исторически сложившимися формами социального общения и взаимодействия [4]. В.Г. Тахтамышев и Г.С. Харламова, рассматривая основные методологические подходы в исследовании преемственности как понятия культурологии и эпистемологии, интерпретируют преемственность как связь между различными этапами развития бытия и познания и исследуют один из ее факторов — восприятие человека [5]. Д.Д. Овсяникова полагает, что фактором осуществления социально-исторической преемственности являются культурные нормы [6]. Все эти положения в полной мере соотносятся

со спецификой исторической преемственности в Монголии.

Основная часть. Историческая преемственность — это передача и усвоение хозяйственных, социальных, культурных ценностей, нередко традиционных, от поколения к поколению. Э.А. Баллер определяет преемственность как связь между различными этапами развития бытия и познания. Ее сущность состоит «в сохранении тех или иных элементов целого или отдельного <...> при изменении целого как системы (при переходе из одного состояния в другое). Связывая настоящее с прошлым и будущим, преемственность тем самым обуславливает устойчивость целого» [7, с. 15]. Исторические аспекты темы нередко изучаются с определенных культурологических позиций, что обычно не снижает историчности исследования. Такой подход обеспечивается использованием понятия «историческая преемственность культуры». Известно, что понятия «преемственность культуры» и «культурное наследие» — две взаимосвязанные категории с некоторыми характерными общими моментами.

Преемственность — это способность культуры передаваться во времени, приобретая новые качества. Она предполагает критический анализ и творческое преобразование унаследованных ценностей. В духовной сфере она обеспечивается языком, другими знакомыми системами и иконографией (рисунки, картины, схемы и т. п.). В материальной культуре осуществляется через отдельные технологии, совершенствуемые многими поколениями [8].

В науке условно обозначены три позиции в определении культурного наследия: как информационно-культурный феномен; с точки зрения правовых и имущественных отношений в обществе; с позиции перспективы его использования в качестве ресурса экономического развития. Культурное наследие не является некой самоценностью, не имеющей отношения к решению текущих проблем общества и к прогнозированию перспектив его развития. Оно включено в процессы социального и экономического развития, является основой при создании подходов и моделей, объясняющих трансформационные процессы в современном обществе [1, с. 11, 12].

С середины XX в. по настоящее время актуализируется ценность культурного наследия человечества. В структуре ряда стран мира оно из периферийного начинает занимать центральное место. В этом процессе важную роль играет историческая преемственность, основной механизм сохранения культурного наследия в пространственно-временном континууме. Проблема сохранения аутентичности материального и нематериального культурного наследия в определенной степени является показателем социально-экономического уровня развития страны и имеет глубокую внутреннюю историческую и аксиологическую значимость. Новое отношение к культурному наследию стран мира определяется принятой в 1972 г. ЮНЕСКО «Конвенцией об охране Всемирного культурного и природного наследия» и дальнейшего формирования Списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, который пополняется с 1978 г.

Монголия — один из блоков фундаментального всемирно-исторического процесса, демонстрирующий поливариантность общественно-политического и социально-культурного развития регионов мира. Страна является одним из уникальных уголков Земли, где сосуществуют индустриальное общество и кочевой образ жизни со всеми атрибутами жизнеобеспечения, многие из которых практикуются со средневековья. Сохранению обширного и многокомпонентного его культурного наследия способствует специфика исторической преемственности, характерная для этого государства.

Традиционализм в контексте статьи понимается как наследие прошлого, воспроизводимое в историческом сознании и способствующее укреплению идентичности общества, его стабильности и культурного своеобразия. По мнению В.А. Ачкасова, это «автоматическое, нерелективное, подсознательное следование традиции, признаваемой естественной, само собой разумеющейся, а потому всеобщей и универсальной» [9]. В Монголии это идеализация и абсолютизация традиции, имеющая практическое значение и сочетающаяся с высоко развитой экологической культурой. Традиционализм в стране также является одним из блоков системы защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия.

Модернизация и традиционализм способствуют сохранению нomaдизма, главного

культурного наследия страны. Феноменальное бытование огромного пласта культурного наследия страны, его ядра, осуществляется в результате его повседневной практики в хозяйственной и духовной жизни народа. Специфика исторической преемственности культурного наследия заключается в ее внутрисемейной межпоколенной трансляции, обеспечивающей реалии повседневной жизни арата в стране, где нomaдизм как одна из форм экономики поддерживается на государственном, общественном и семейном уровнях.

Нomaдизм в Монголии сохраняется во многом благодаря исторической преемственности. Он обладает тремя главными признаками: экстенсивное скотоводство как главный вид хозяйственной деятельности; периодические перекочевки большей части населения и скота; особая материальная и духовная культура, тип общества и мировоззрение обитателей степи. А.М. Хазанов дает определение нomaдизма: «На мой взгляд, к числу важнейших особенностей кочевого хозяйства, определяющих его хозяйственную сущность, относятся: 1) скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности; 2) его экстенсивный характер, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) связанная с потребностями скотоводческого хозяйства периодическая подвижность в пределах определенных пастбищных территорий» [10, с. 83, 84].

Несмотря на определенную разработанность проблемы, в XXI в. в научных работах нередко наблюдается отсутствие общепринятой классификации типов и видов скотоводства и соответствующих дефиниций. В первую очередь, это относится к трактованию терминов «скотоводство», «кочевое скотоводство», «полукочевое скотоводство» и «животноводство». Наиболее точно определяет кочевое скотоводство известный советский ученый Г.Е. Марков, который пишет: «вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более или менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков. <...> Его можно подразделить на два типа, имеющие между собой принципиальные различия. Один из них — “кочевое скотоводство”, или “кочевничество”, другой, при

котором скотоводческое хозяйство составляет лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, можно назвать <...> “подвижное скотоводство”» [11, с. 84]. Здесь мы оперируем понятием «кочевое скотоводство». Далее ученый уточняет, что понятие предполагает, во-первых, хозяйственную основу кочевого скотоводства (кочевничества), а именно экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных является главным видом занятий населения и доставляет основную часть средств существования, а во-вторых, социальную характеристику общества [11, с. 84].

Также ценно положение Г.Е. Маркова о том, что «кочевое скотоводство может бытовать в двух видах: собственно кочевом и полукочевом. Но никаких принципиальных различий между этими видами хозяйства не существует, и на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры. <...> Различия между ними относительноны и выявляются только в каждом отдельном, территориально ограниченном регионе. Таким образом, “полукочевое хозяйство” представляет лишь один из подтипов кочевничества» [11, с. 84, 85].

Во Внутренней Азии нomaдизм в наиболее традиционном состоянии сохранился в Монголии, несмотря на активные политико-социально-экономические преобразования страны в XX — начале XXI вв. В истории МНР (1924–1992) выделяют два основных этапа преобразований, демократических (1921–1940) и социалистических (1940–1990). Была создана программа создания экономических предпосылок для строительства социализма, затем страна взяла курс на социалистические преобразования, ориентируясь на мероприятия, проводимые в СССР. Сформировалась устойчивая экономика в государстве, где сельское население составляло большинство и вело кочевой образ жизни на базе экстенсивного кочевого скотоводства. За время социалистического периода в МНР были осуществлены весомые трансформации в экстенсивном кочевом хозяйстве, состоялась его некоторая модернизация, не затронувшая ядра кочевого образа жизни аратов [12]. Поэтому после развала социалистической системы в стране быстро произошла реномадизация, возврат части населения от оседлого образа жизни к

кочевому [13].

Имеются следующие данные 2019 г., свидетельствующие о том, что Монголия продолжает оставаться аграрно-индустриальной страной. Около 80 % территории используется как пастбища. В 1950 г. 60 % национального дохода производилось в сельском животноводческом хозяйстве. В 1975 г. оно снизилось до 22,4 %. В постсоветское время эта цифра поднялась до 30 %. В 2019 г. 70 % экспортной продукции, включая изделия, составляет сельскохозяйственное сырье [14, с. 77].

Сохранению культурного наследия способствует стремление к сохранению двух основных составляющих нomaдизма, степи и скота. Многими исследователями отмечаются достаточно бережное для глобального мира отношение к уникальной степной экосистеме и целенаправленная поддержка на государственном уровне в чистоте породных качеств нomaдного скота, веками приспособленного к круглогодичному экстенсивному содержанию в резко континентальном климате. Сохранение культурного наследия нomaдов является, с одной стороны, официальной государственной политикой модернизирующегося государства, а с другой, ценностной ориентацией, поддержанной народом. Здесь сложился особый взгляд на соотношение модернизации и традиционализма.

Культурное наследие Монголии представляет собой многовековой социально-экономический опыт народа в условиях степной экосистемы и резко континентального климата. Историческая преемственность как одна из основных цепей в межпоколенной передаче культурного наследия позволяет монгольскому народу сохранять ценный опыт прошлого и, как присуще многим народам мира, «создавать новые материальные условия существования и выработать способы внутриобщественного взаимодействия, а с другой стороны, воспроизводить себя на каждом этапе собственного развития, сохраняя неизменными свои сущностные характеристики» [6, с. 50].

Монголия ратифицировала «Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО в 1990 г. Первый ее объект был занесен в Список в 2003 г. Выявлено, что одним из главных объектов культурного насле-

дия Монголии, представляющих огромную историко-культурную ценность и аксиологическую значимость, является номадизм со всеми его атрибутами, базирующийся на экстенсивном кочевом скотоводстве [3]. Номадизм определяет уникальную специфику бытующего многообразия культурного наследия страны, включая материальное и нематериальное культурное наследие. Официально признанные ЮНЕСКО культурным наследием человечества монгольские культурные объекты демонстрируют степную эстетику мобильности и ментальность движения. Они свидетельствуют об аутентичном бытовании номадизма в XXI в. и о его конкурентоспособности. Официальная позитивная оценка культурного наследия Монголии со стороны ЮНЕСКО выполняет важную гуманитарную миссию по сохранению культуры номадов.

Наследие Монгольской империи – драгоценный пласт культурного наследия Монголии, играющий важную роль в поисках национальной идеи государства. Оно воспринимается как эталонное, а историко-культурная память формирует коллективную и национальную идентичность. В стране проводится определенная идеологическая работа по сохранению традиционных ценностей в воспитании подрастающего поколения. Среди большого списка мероприятий, осуществляемых для реализации цели, важным представляется введение в образовательную систему страны новых учебных программ. С 2015 г. в школах изучают предмет «Гражданское воспитание» для приобщения школьников «к общим нормам национальных ценностей, культуры, традиционного мышления и обычаев» [15, с. 132]. В 2019 г. в учебную программу 1–5 классов введен предмет «Монгольская культура», а ученики с 6 по 12 класс изучают «Гражданскую этику». Несмотря на некоторое размывание национальной идентичности улан-баторских школьников, главными ценностями для них остаются «семья, любовь к детям, уважение к старшим, любовь и уважение к близким, гостеприимство, патриотизм, национальная гордость и самодостаточность, консолидируемые образом Чингисхана как значимой для становления монгольской идентичности исторической фигуры» [15, с. 132, 139].

Доступное современное информационно-

культурное пространство Монголии в довольно серьезной степени формирует положительное отношение к ценностям номадов у народов других стран, особенно у молодого поколения. Развитие туризма в стране, которому способствует, наряду со многими факторами, введение памятников номадической культуры в список ЮНЕСКО, создало в медиапространстве культурную среду, в которой хранятся и воспроизводятся объекты природного и культурного наследия Монголии. Туристы выкладывают в сети множество качественных фотографий, видео, рассказов о Монголии и ее культуре, делятся впечатлениями, в основном позитивными, о стране. Главным трендом туристического бума в Монголии, особенно характерного для доковидного времени, был номадизм, обусловленный природно-климатическими условиями. Туристов привлекают степи, пустыня Гоби, барханы, верблюды, лошади Пржевальского и красные каньоны, дацан Гандан, жизнь кочевников, юрты, где можно пожить [16].

В современной Монголии сложилась мировая практика сохранения культурного наследия. Это научное изучение объектов культуры, в том числе номадизма и ее атрибутов, музеефикация и каталогизация предметов музейного значения, историческая научная и популярная реконструкции средневекового оружия, воинских доспехов, конского снаряжения и предметов быта, создание музеев «живой истории». Сохранению и популяризации культурного наследия способствуют также общественное движение и работа по выявлению и подготовке документов отдельными людьми, сельскими поселениями, общественными деятелями, учеными для включения материальных и нематериальных объектов культуры в список ЮНЕСКО, который из года в год пополняется. Большую популярность имеют ежегодно проводимые национальные праздники и фестивали, базирующиеся на культуре номадов. Современное информационное пространство обеспечивает активный процесс многоаспектного взаимодействия народов мира с культурными ценностями других стран, в том числе Монголии.

Заключение. Приведенные материалы позволяют прийти к следующему заключению. Историческая преемственность Монго-

лии имеет уникальную специфику, способствующую стойкому сохранению культурного наследия, имеющего в повседневной жизни населения страны практическое, духовное и ментальное значение. При ее реализации используется локальная и мировая практика сохранения культурного наследия, а также система защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия, заложенная в традиционализме, имеющего личный, общественный и государственный характер. Все эти механизмы обеспечения исторической

преемственности в сохранении культурного наследия приводят к активизации, углублению и восстановлению коллективной исторической и культурной памяти, которая формирует коллективную и национальную идентичность монголов.

Статья подготовлена в рамках государственного задания – проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)».

Литература

1. Копсергенова А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.
2. Данзангийн Эрдэнэбат. Сохранение культурного наследия Монгольской империи в Монгольском государстве: об актуальности исследования исторической преемственности // Вестн. Челябинской гос. акад. культуры и искусств. 2016. № 4 (45). С. 129-133.
3. Жамбалова С.Г. Культурное наследие Монголии: историческая преемственность. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. 336 с.
4. Герандоков М.Х., Герандоков Р.М. Проблемы преемственности культурного наследия // Изв. Кабардино-Балкарского гос. аграрного ун-та им. В.М. Кокова. 2015. № 1 (7). С. 117-123.
5. Тахтамышев В.Г., Харламова Г.С. Преемственность: к вопросу о методологии исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1741. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19193> (дата обращения: 09.06.2023).
6. Овсяникова Д.Д. Историческая преемственность в контексте проблемы культурных норм // Культура и цивилизация. 2019. Вып. № 1 (9). С. 50-53.
7. Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969. 294 с.
8. Преемственность культуры как фактор развития [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/10_222507_preemstvennost-kak-faktor-razvitiya.html (дата обращения: 24.10.2015).
9. Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 1. С.173-191. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/achkasova/transformaciya-tradiciy-i-politicheskaya-modernizaciya-fenomen-rossiyskogo> (дата обращения: 03.05.2017).
10. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы: Дайки-пресс, 2002. 604 с.
11. Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 83-94.
12. Жамбалова С.Г. Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1 (35). С. 129-137.
13. Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии: Социальные проблемы переходного периода 1980 - 1995. М.: Восточная лит., 1997. 184 с.
14. Даваажав Баяртогтох. Сотрудничество СССР и МНР в области сельского хозяйства: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2019. 229 с.
15. Васильева В.В. Отражение социокультурной динамики традиционных ценностей в представлениях монгольских школьников о праздниках // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 2 (91). С.129-143.
16. Кулагин В. Настоящая Монголия: особенности туризма вне Улан-Батора [Электронный ресурс]. URL: <https://babr24.com/bur/?IDE=229908> (дата обращения: 15.06.2023).